

Будущее неизбежно

```
ISPR_PUNG,2,4,(NULL),S_PUNCH5,0,0); // S_PUNCH4
ISPR_PUNG,1,5,(A_ReFire),S_PUNCH,0,0); // S_PUNCH5 // do things to change the game state
ISPR_PISG,0,1,(A_WeaponReady),S_PISTOL,0,0); // S_PISTOL while (gameaction != ga_nothing)
ISPR_PISG,0,1,(A_Lower),S_PISTOLDOWN,0,0); // S_PISTOLDOWN
ISPR_PISG,0,1,(A_Raise),S_PISTOLUP,0,0); // S_PISTOLUP switch (gameaction)
ISPR_PISG,0,4,(NULL),S_PISTOL,0,0); // S_PISTOL1 {
ISPR_PISG,1,6,(A_FirePistol),S_PISTOL,0,0); // S_PISTOL2 case ga_leadlevel
ISPR_PISG,2,4,(NULL),S_PISTOL,0,0); // S_PISTOL3 G_DeLoadLevel ();
ISPR_PISG,1,5,(A_ReFire),S_PISTOL,0,0); // S_PISTOL4 break;
ISPR_PISG,3,2,7,69,7,(A_Light1),S_LIGHTDONE,0,0); // S_PISTOLFL case ga_weaponpickup
ISPR_SHTG,0,1,(A_WeaponReady),S_SGUN,0,0); // S_SGUN1 G_DeNewGame ();
ISPR_SHTG,0,1,(A_Lower),S_SGUNDOWN,0,0); // S_SGUNDOWN break;
ISPR_SHTG,0,1,(A_Raise),S_SGUNUP,0,0); // S_SGUNUP case ga_loadgame:
ISPR_SHTG,0,3,(NULL),S_SGUN,0,0); // S_SGUN1 G_DeLoadGame ();
ISPR_SHTG,0,7,(A_FireShotgun),S_SGUN,0,0); // S_SGUN2 break;
ISPR_SHTG,1,5,(A_WeaponReady),S_SGUN,0,0); // S_SGUN3 case ga_weaponpickup:
ISPR_SHTG,2,5,(NULL),S_SGUN,0,0); // S_SGUN4 G_DeNewGame ();
ISPR_SHTG,3,4,(NULL),S_SGUN,0,0); // S_SGUN5 break;
ISPR_SHTG,2,5,(NULL),S_SGUN,0,0); // S_SGUN6 case ga_playdemo:
ISPR_SHTG,1,5,(NULL),S_SGUN,0,0); // S_SGUN7 G_DePlayDemo ();
ISPR_SHTG,0,0,(NULL),S_SGUN,0,0); // S_SGUN8 break;
ISPR_SHTG,0,7,(A_ReFire),S_SGUN,0,0); // S_SGUN9 case ga_completed:
ISPR_SHT,3,2,7,68,4,(A_Light1),S_SGUNFLASH2,0,0); // S_SGUNFLASH1 G_DeCompleted ();
ISPR_SHT,3,2,7,69,3,(A_Light2),S_LIGHTDONE,0,0); // S_SGUNFLASH2 break;
ISPR_SHT2,0,1,(A_WeaponReady),S_DSGUN,0,0); // S_DSGUN case ga_victory:
ISPR_SHT2,0,1,(A_Lower),S_DSGUNDOWN,0,0); // S_DSGUNDOWN F_StartFinale ();
ISPR_SHT2,0,1,(A_Raise),S_DSGUNUP,0,0); // S_DSGUNUP break;
ISPR_SHT2,0,3,(NULL),S_DSGUN,0,0); // S_DSGUN1 case ga_worlddone:
ISPR_SHT2,0,7,(A_FireShotgun2),S_DSGUN3,0,0); // S_DSGUN2 G_DeWorldDone ();
ISPR_SHT2,1,7,(NULL),S_DSGUN,0,0); // S_DSGUN3 break;
ISPR_SHT2,2,7,(A_CheckReload),S_DSGUN5,0,0); // S_DSGUN4 case ga_screenshot:
ISPR_SHT2,3,7,(A_OpenShotgun2),S_DSGUN6,0,0); // S_DSGUN5 M_ScreenShot ();
ISPR_SHT2,4,7,(NULL),S_DSGUN7,0,0); // S_DSGUN6 gameaction = ga_nothing;
ISPR_SHT2,5,7,(A_LoadShotgun2),S_DSGUN8,0,0); // S_DSGUN7 break;
ISPR_SHT2,6,6,(NULL),S_DSGUN,0,0); // S_DSGUN8 case ga_nothing:
ISPR_SHT2,7,6,(A_CloseShotgun2),S_DSGUN10,0,0); // S_DSGUN9 break;
ISPR_SHT2,0,5,(A_ReFire),S_DSGUN,0,0); // S_DSGUN10
ISPR_SHT2,1,7,(NULL),S_DSNR2,0,0); // S_DSNR1
ISPR_SHT2,0,3,(NULL),S_DSGUNDOWN,0,0); // S_DSNR2
ISPR_SHT2,3,2,7,76,5,(A_Light1),S_DSGUNFLASH2,0,0); // S_DSGUNFLASH1
ISPR_SHT2,3,2,7,77,4,(A_Light2),S_LIGHTDONE,0,0); // S_DSGUNFLASH2
ISPR_CHGG,0,1,(A_WeaponReady),S_CHAIN,0,0); // S_CHAIN
ISPR_CHGG,0,1,(A_Lower),S_CHAINDOWN,0,0); // S_CHAINDOWN
ISPR_CHGG,0,1,(A_Raise),S_CHAINUP,0,0); // S_CHAINUP
ISPR_CHGG,0,4,(A_FireCGun),S_CHAIN2,0,0); // S_CHAIN1
ISPR_CHGG,1,4,(A_FireCGun),S_CHAIN3,0,0); // S_CHAIN2
ISPR_CHGG,1,0,(A_ReFire),S_CHAIN,0,0); // S_CHAIN3
ISPR_CHGF,3,2,7,68,5,(A_Light1),S_LIGHTDONE,0,0); // S_CHAINFLASH1
ISPR_CHGF,3,2,7,69,5,(A_Light2),S_LIGHTDONE,0,0); // S_CHAINFLASH2
ISPR_MISC,0,1,(A_WeaponReady),S_MISSILE,0,0); // S_MISSILE
ISPR_MISC,0,1,(A_Lower),S_MISSILEDOWN,0,0); // S_MISSILEDOWN
ISPR_MISC,0,1,(A_Raise),S_MISSILEUP,0,0); // S_MISSILEUP
ISPR_MISC,1,0,(A_GunFlash),S_MISSILE2,0,0); // S_MISSILE1
ISPR_MISC,1,1,2,(A_FireMissile),S_MISSILE3,0,0); // S_MISSILE2
ISPR_MISC,1,0,(A_ReFire),S_MISSILE,0,0); // S_MISSILE3
ISPR_MISC,3,2,7,69,3,(A_Light1),S_MISSILEFLASH2,0,0); // S_MISSILEFLASH1
ISPR_MISC,3,2,7,69,4,(NULL),S_MISSILEFLASH3,0,0); // S_MISSILEFLASH2
ISPR_MISC,3,2,7,70,4,(A_Light2),S_MISSILEFLASH4,0,0); // S_MISSILEFLASH3
ISPR_MISC,3,2,7,71,4,(A_Light2),S_LIGHTDONE,0,0); // S_MISSILEFLASH4
ISPR_SAWG,2,4,(A_WeaponReady),S_SAW,0,0); // S_SAW
ISPR_SAWG,3,4,(A_WeaponReady),S_SAW,0,0); // S_SAW
ISPR_SAWG,2,1,(A_Lower),S_SAWDOWN,0,0); // S_SAWDOWN
ISPR_SAWG,2,1,(A_Raise),S_SAWUP,0,0); // S_SAWUP
ISPR_SAWG,0,4,(A_Saw),S_SAW2,0,0); // S_SAW1
ISPR_SAWG,1,4,(A_Saw),S_SAW3,0,0); // S_SAW2
ISPR_SAWG,1,0,(A_ReFire),S_SAW,0,0); // S_SAW3
ISPR_PLSG,0,1,(A_WeaponReady),S_PLASMA,0,0); // S_PLASMA
ISPR_PLSG,0,1,(A_Lower),S_PLASMADOWN,0,0); // S_PLASMADOWN
ISPR_PLSG,0,1,(A_Raise),S_PLASMAUP,0,0); // S_PLASMAUP
ISPR_PLSG,0,3,(A_FirePlasma),S_PLASMA2,0,0); // S_PLASMA1
ISPR_PLSG,1,2,0,(A_ReFire),S_PLASMA,0,0); // S_PLASMA2
ISPR_PLSF,3,2,7,68,4,(A_Light1),S_LIGHTDONE,0,0); // S_PLASMAFLASH1
ISPR_PLSF,3,2,7,69,4,(A_Light1),S_LIGHTDONE,0,0); // S_PLASMAFLASH2
ISPR_BFGG,0,1,(A_WeaponReady),S_BFG,0,0); // S_BFG
ISPR_BFGG,0,1,(A_Lower),S_BFGDOWN,0,0); // S_BFGDOWN
ISPR_BFGG,0,1,(A_Raise),S_BFGUP,0,0); // S_BFGUP
ISPR_BFGG,0,2,0,(A_BFGSound),S_BFG2,0,0); // S_BFG1
ISPR_BFGG,1,1,0,(A_GunFlash),S_BFG3,0,0); // S_BFG2
ISPR_BFGG,1,1,0,(A_FireBFG),S_BFG4,0,0); // S_BFG3
ISPR_BFGG,1,2,0,(A_ReFire),S_BFG,0,0); // S_BFG4
ISPR_BFGF,3,2,7,68,11,(A_Light1),S_BFGFLASH2,0,0); // S_BFGFLASH1
ISPR_BFGF,3,2,7,69,6,(A_Light2),S_LIGHTDONE,0,0); // S_BFGFLASH2
ISPR_BLUD,2,8,(NULL),S_BLOOD,0,0); // S_BLOOD1
ISPR_BLUD,1,9,(NULL),S_BLOOD3,0,0); // S_BLOOD2
ISPR_BLUD,0,8,(NULL),S_NULL,0,0); // S_BLOOD3
ISPR_PUFF,3,2,7,68,4,(NULL),S_PUFF2,0,0); // S_PUFF1
ISPR_PUFF,1,4,(NULL),S_PUFF3,0,0); // S_PUFF2
ISPR_PUFF,2,4,(NULL),S_PUFF4,0,0); // S_PUFF3
ISPR_PUFF,3,4,(NULL),S_NULL,0,0); // S_PUFF4
```

Павел Фёдоров

Павел Фёдоров

Будущее неизбежно. Повесть

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Фёдоров П. Ю.

Будущее неизбежно. Повесть / П. Ю. Фёдоров — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Повесть "Будущее неизбежно" о главном и, пожалуй, единственном принципе формирования человеческого общества на Земле. Каждый человек знает, что он человек, но понимает ли он истинное значение этого простого, на первый взгляд, слова? Кто Ты или что Ты? - что может сказать о себе человек, если вдруг зададут этот вопрос?.. А ведь отвечать на него придется!

Старик подошёл к большому шкафу, стоящему вдоль стены, и взял с полки, большой и тяжёлый фолиант. Положив его на стол посередине огромного каменного зала, старик задумался ненадолго и открыл книгу. Книга была пуста. Через некоторое время на чистом листе постепенно начали проступать записи.

«Признаком сущего являться будет лишь то чем жив человек
Его оправданность позволит сама себя искупить
И тому кто призван тому надлежит быть лишь тем кем он является -
Самим собой»

Старик внимательно прочитал проявленное и, с облегчением вздохнув, откинулся в кресле.

– Ну, вот и все, осталось добавить последний ингредиент, и работа будет завершена....
Время неумолимо в своём движении... оно уже пришло, вот потому и мы с тобой отправляемся в путь.

Старик обращался не к собеседнику, в большом каменном зале кроме него никого не было, он обращался к лежащему перед ним на столе небольшому бесцветному камню, похожим на маленький кусочек отколовшегося гранита, каких без счета валяется в скалах, острых и невзрачных. Потом старик встал, завернул камень в кусок рваной и грязной тряпки, положил свёрток в холстяной мешок, перевязал верёвкой, перекинул через плечо и вышел из зала. Он прошёл вдоль колоннады до парадных ворот, но прежде чем войти во дворец, обернулся и окинул прощальным взглядом, лежащие перед дворцом гавани и великолепные города, сады, поля до горизонта насколько хватало глаз. Вот-вот должен был осветиться горизонт первыми лучами восходящего солнца – последнего солнца для великого народа.

«Принцип существования
Есть ли то о чем мечтает человек
Кто идёт и куда – вопрос заданный мне
То есть кто идёт – что ответить
И есть ли доля того что надо назвать неизбежностью
Ему ли не знать того что уготовано мне
То есть каждого путь»

Великолепные высокие золотые двери были во всех залах дворца раскрыты настежь. Старик, сгорбившись и не торопясь, не останавливаясь, прошёл через весь дворец до тронного зала, вошёл и остановился посередине, взирая снизу на божественные исполинские фигуры царя и царицы, восседающих на тронах.

– Ты нашёл последний ингредиент? – спросила царица ледяным тоном, смотря на крохотную тёмную фигурку старика внизу у трона, её переполняло нетерпение, но позволить себе выдать своё волнение она не могла.

– Нашёл прекрасная царица – старик учтиво слегка поклонился одной головой.

– Так, где же он...? – царица встала с трона и протянула руку, в глазах её бушевали голубые молнии.

– Не торопись прекрасная царица, я сказал, что нашёл, но я не говорил, что отдам его тебе...

Не успел старик закончить фразу, как огромная голубая змея метнулась в его сторону с человеческим лицом и двумя огромными клыками, торчащими из открытой пасти. Змея

вместо старика схватила пустоту, она извивалась вокруг старика, бросаясь на него все снова и снова, но каждый раз старик оставался неуязвим и, вместо него, всегда была только пустота.

– Я вижу, ты разгневана прекрасная царица, это совсем не похоже на тебя... – сказал старик с иронией в голосе, спокойно стоя, не шевелясь на одном месте и наблюдая за змеей, которая металась вокруг него.

– Отдай камень – шипела царица, – она снова обратилась в женщину и теперь ходила по залу позади старика и с нескрываемой ненавистью поглаживала на него.

– Это просто камень, прекрасная царица, даже если бы ты обладала им, ты ничего бы не получила... – старик смотрел на царя и видимо обращался к нему.

– Убей его Атлант, что же ты медлишь... – закричала царица.

Великий Атлант стоял во весь свой гигантский рост, уже занеся руку, всё замерло в ожидании удара молнии, которая не знает преград, но после непродолжительной паузы Атлант вдруг опустил руку и сел обратно на трон.

– Это не в моей власти... мы ничего не можем изменить...

– О Боги... – воздев руки к небу, завывала царица.

– Скажи, когда это произойдёт? – спросил царь, встав с трона и смотря в спину уходящего старика.

Старик молча дошёл до золотых дверей и остановился у самого порога, не поворачиваясь, тихо и спокойно сказал в пространство распахнутых дверей: «Сегодня... прощай Великий Атлант, прощай прекрасная царица, прощай великий народ Атлантиды» – и вышел из зала.

«Не так уж он везде осуществил своё ли вечное предназначенье
Кто дар поста тому не рад и пир горой струящийся с небес
Тому лишь пробужденье радость тому уж нет потерь
Где сам Творец тому дар свыше и нет уж сожаления о том»

Дверь немного приоткрылась, в класс вошёл мальчик лет десяти и остановился, глядя на учительницу. Та, увидев вошедшего, заулыбалась, подошла к нему и, подталкивая, слегка за плечи вывела на середину класса.

– Ребята, с этого года у нас в классе будет учиться новый ученик, зовут его Виктор – учительница подвела его к парте, за которой сидела Поля, – вот здесь твоё место... – Виктор сел за парту и сразу притих, как будто его нет. Когда урок закончился, мальчик повернулся к Поле и, протянув ей руку, сказал: «Меня зовут Витя». Поля смерила его взглядом, но протянув руку, тихо произнесла: «Полина». Витя старательно потряс ей руку.

– У тебя родители есть? – спросил он сразу же.

– Да, – с некоторым замешательством ответила Поля, – только папа, а мамы... нету.

– Он кто?

– Он доктор наук, – сказала Поля, чуть подняв голову.

– Он врач?

– Нет... историк, – озадаченно ответила Поля

– Ты сказала доктор, значит врач – начал уточнять Витя.

– Да нет, ты не понял, он историк, а доктор наук, это потому, что он учёный, он пишет книги по истории и преподаёт в университете... а вовсе не врач, – Поля видела, что Витя явно не понимает, о чем идёт речь и не знает кто такой доктор наук.

– Мама у тебя где?

– Мама умерла... от сердца, когда я была ещё маленькой.

– А живёшь ты где? – Витя смотрел Поле прямо в глаза, чуть прищурившись и с самым серьёзным видом.

– Как где... с папой, – Поля была озадачена всеми этими вопросами, она посмотрела на него и заметила, что за всей серьёзностью его лица в глазах Вити светились крохотные искорки, как лукавые смешинки.

– Я уже третий год учусь в музыкальной школе на кларнете, ну, на кларнете только с этого года, мне его дали в школе, а до этого я занимался на блок-флейте, – Витя это произнёс с явной гордостью, – а ещё я пою в хоре... правда, там одни девчонки..., нас там только двое, ну это не важно...

– Ну и что, подумаешь, я тоже занимаюсь в музыкальной школе, на фортепьяно, уже пять лет, и тоже пою в хоре, мы даже в капелле выступали – Поля произнесла это с явным превосходством и пренебрежением к словам Вити.

– У тебя, когда день рождения? – Витя как будто не замечал явно не серьёзного к нему отношения.

– Ну, это ещё не скоро, только через четыре месяца, – тихо и безразлично сказала Поля отворачиваясь от него. Вдруг она почувствовала удар локтем в бок, Поля аж подскочила от неожиданности, – ты что, дурак!?! – цыкнула она в негодование.

В этот момент в класс вошла учительница, все встали, но Витя успел шепнуть: «Я приду к тебе на день рождения», «Я тебя кажется не приглашала», – также шёпотом быстро ответила Поля. Начался урок, Витя опять затих.

«Не удивит того кто стал чуть выше и не узрел
Не потому ли я попал к нему
Но мысль стремясь к Себе не так уж и страшна
Я понял мысль как миг
Не удивляясь лишь тому чему не удивляться мне дано
Но все стремятся к сущности Тебя»

Месяца через три Поля, по просьбе учительницы, относила журнал в учительскую и услышала, как одна из учительниц со вздохом сказала: «Кажется, в нашей школе появился соловей-разбойник..., не меньше».

Виктор не был злым или хулиганистым мальчиком, он был крайне бесцеремонным, причём со всеми. Носился и кричал во все горло, независимо от того, когда и где он находится, что он может помешать, играл с мальчишками в футбол стирательной резинкой прямо в коридоре школы, когда ещё шли уроки в старших классах. С пол оборота мог броситься в драку, причём не зависимо от возраста и силы противника. Всегда ходил весь растрёпанный, вся одежда набекрень, жёваная рубашка вечно отовсюду торчала. Новая школьная форма, в которой он появился в первый день, уже выглядела так, как будто ей не один год. На урок он влетал всегда весь красный, запыхавшийся от бурно проведённой перемены. Но Поле казалось, что более всех от Витьки достаётся именно ей. Обращался он к ней не иначе как, тыкая локтем в бок, причём не умышленно, а машинально, или вставал и залезал с головой к ней в тетрадь, отодвигая её руку, чтобы не заслоняла. Она старалась при этом его отпихнуть и усадить на место, приговаривая: «Делай сам, а не списывай». «У меня не получается», – сопротивляясь, и стараясь заглянуть ей в тетрадь, отвечал он. «Заниматься надо, дома», – Поля сердито на него посматривала, и Витя усаживался обратно на место и затихал.

С первого же дня Поля заметила, что Витька исподтишка под партой читает книгу, это был Жюль Верн. Для Поли это было нечто особенное, Витя сразу значительно вырос в её глазах, а он приносил и Купера, Диккенса, Гюго, Дойла, Мериме, Цвейга и другие книги, давал свободно без разговоров их ей читать. Одно было не понятно, Витька плохо учился и никогда не поднимал руку, никогда. На уроке он затихал и только слушал, о чем говорят. Каждый раз, придя в школу, он случайно узнавал, что, оказывается, задавали домашнее задание, нужно

было что-то принести или сделать и так все время. Поля не вмешивалась и не мешала Витьке, они были просто соседи по парте, не более, а как он учится или себя ведёт – это его дело.

«Где край земли? Что значит я?
И правду ль я несу?
Не внемлю без ответа вам
Кто – я!
Не отрекаюсь не любя себя и отрицаю
Для красоты упряма иду
Стремясь нести к забвению порок
Через порог ступлю
К тебе приду пророк»

На день рождения Поли пришло много гостей, в основном это были родственники и близкие папины друзья, из детей была только её подруга Катя из соседней парадной, с которой Поля была знакома ещё с детского сада. Было много подарков, папа подарил замечательное концертное платье и туфли, Катя очень красивую шкатулку с зеркалом. Поля была очень нарядна в своём новом платье и чувствовала себя на празднике настоящей хозяйкой. Она исполнила для гостей на фортепиано большую сонату, которую готовила для концерта в доме композиторов и её тётя, она же и была у Поли учительницей музыки в музыкальной школе, отметила, что перед публикой Поля не тушует, уверенное исполнение, молодец. Вечером, когда гости уже вышли из-за стола, и наступило некоторое затишье, все разбились на группы, беседовали, смеялись, Поля у себя в комнате обсуждала с Катей последние девичьи новости, раздался звонок в дверь. Через некоторое время папа заглянул к Поле и сказал несколько озадаченно: «Поля, это, кажется, к тебе пришли, выйди, пожалуйста, встречай гостя». Поля вышла в прихожую, в дверях стоял Витя, в одной руке он держал школьный портфель, в другой газетный свёрток. Поля от неожиданности опешила и даже в какой-то момент совершенно растерялась, что делать, потом с досадой, но видя, что папа из кухни видит их, чтобы не было слышно, сердито зашептала: «Ты чего пришёл, иди отсюда, тебя никто не звал». Витя растерянно стоял, не шевелясь, когда неожиданно из коридора раздался голос Полиной тётки: «А вот и запоздалый гость, проходи, Поля, что ж ты не приглашаешь молодого человека». Витя, не заставляя себя долго упрашивать, живо вошёл, положил портфель и свёрток на пол и начал стягивать пальто и шапку, раздевшись и стащив ботинки, он поднял с пола портфель и свёрток и посмотрел на женщину, а та, слегка подталкивая его за плечи, улыбаясь и покачивая головой, провела в гостиную. Поля понура плелась сзади и смотрела на неряшливую школьную форму, болтающиеся носки на ногах, опять он был весь взмокший и красный, потому что, видимо, нёсся по улице и лестнице, ей было стыдно, и она вообще не понимала, как себя вести и что делать. Войдя в зал Витя огляделся и, обращаясь ко всем присутствующим громко поздоровался, сразу стихло и все смотрели на него: «Здравствуйте молодой человек, кто вы и как вас зовут?», – прозвучал чей-то насмешливый голос. «Меня зовут Виктор... я учусь с Полей в одном классе...». Поля никогда не видела Витю таким серьёзным, он положил портфель на пол, развернул газетный свёрток и вынул оттуда небольшой мятый букетик цветов, подошёл к Поле, протянул цветы и громко сказал: «Это тебе Поля, поздравляю с днём рождения», Поля, не глядя на Витю протянула руку и взяла цветы: «Спасибо», – еле слышно и потупившись произнесла она. Витя торопливо, и суетясь, вдруг сел на колени раскрыл портфель и достал смятый сложенный пополам лист нотной бумаги, протянул его Поле: «Это подарок тебе», «Что это?», – раскрыв ноты и глядя на нарисованные ручкой каракули, спросила Поля. «Это песня, ты будешь играть, а я спою её для тебя». Поля оторопело смотрела в ноты, потом на папу.

– Так, очень интересно, это переложение для голоса и фортепиано, послушаем, ... Виктор, а ты не будешь возражать, если мы с Полей будем аккомпанировать в четыре руки? – взяв ноты у Поли и внимательно глядя в них, спросила женщина.

– Пожалуйста, я не против, – встав рядом с пианино, согласился Витя.

Все гости собрались в зале, и происходящая сцена явно забавляла присутствующих. Поставили второй стул, тётя с Полей пошушукались, согласовывая партии, и когда все были готовы учительница высоко подняла голову и, встретившись взглядом с Витей, кивнув ему, заиграла. Проиграли вступление, и Витя запел. Он пел по-настоящему красивым, сильным, чистым и хорошо поставленным высоким голосом и не как поют дети, а как поют опытные и понимающие музыку взрослые:

Полюшко, поле,

Полюшко, широко поле,

Едут по полю герои,

Эх, да Красной Армии герои.

Девушки плачут,

Девушкам сегодня грустно.

Милый, ты надолго уехал,

Эх, да милый в армию уехал.

Девушки, гляньте,

Гляньте на дорогу нашу,

Эх, вьётся да дальняя дорожка,

Эх, да развеселяя дорога.

Девушки, гляньте,

Мы с врагом войну вести готовы

Наши да кони быстроходны,

Эх, да наши шашки, пики остры.

Полюшко, поле,

Полюшко, широко поле,

Едут да по полю герои,

Эх, да Красной Армии герои.

Пусть же в станице

Дружная кипит, кипит работа

Мы – дозорные сегодня,

Эх, да мы сегодня часовые.
Девушки, гляньте,

Девушки, утрите слезы.

Пусть сильнее грянет песня,

Эх, да боевая наша песня!
Полюшко, поле,

Полюшко, широко поле,

Едут по полю герои,

Эх, да Красной Армии герои.
Полюшко, поле,

Полюшко, широко поле...

Со второго куплета женщина присоединилась к голосу Вити своим красивым, благородным, низким, грудным голосом и Витя, услышав, как бы оперся об него, стал более свободен, раскован. Так вот дуэтом под аккомпанемент они допели песню до конца.

Им хлопали, кто-то крикнул – Bravo! многие подходили и пожимали руку Вите, благодарили его. Потом его усадили за стол, наложили в тарелку всякой еды, и все стали потихоньку прощаться и расходиться.

– Витя, а кто тебе помогал сделать переложение? – спросила женщина, сидя напротив него и наблюдая, как он ест.

– Никто, я сам... там, наверное, есть ошибки, но учительница сольфеджио заболела, и я не успел ей показать, – Витя говорил, не отвлекаясь от еды с набитым ртом.

– Да, пожалуй, там есть некоторые неточности, а откуда ты взял эту песню? – женщина внимательно смотрела на Витю без намёка на улыбку, видно было, что для неё это серьёзный вопрос.

– С пластинки, там какой-то мужской хор её пел, а слова нашёл в школьной библиотеке, сборник есть такой песен.

– Видимо хор Александрова, а почему ты выбрал тональность именно до минор, там же на пластинке другая?

– Не знаю..., так получилось... – Витя отвечал, не глядя ни на что и ни на кого кроме еды, автоматом.

– Виктор, а где ты живёшь, кто твои родители? – женщина, прищурившись, внимательно смотрела на него.

– У меня нет родителей, я в детдоме живу, – также на автомате ответил Витя, запихивая пальцами в рот очередной кусок торта.

В зале на некоторое время повисла напряжённая тишина. Папа Поли сидел в углу гостиной в кресле и наблюдал всю сцену оттуда, только обмениваясь короткими взглядами с женщиной, которая иногда посматривала в его сторону.

– Ну, что ж, должна отметить, что это очень серьёзная работа, пожалуй не часто можно встретить людей способных на такое, ты большой молодец Виктор. Собираешься, стать музы-

кантом? – она, облокотившись о стол локтем, и подперев подбородок, смотрела как Витя, наевшись, откинувшись на спинку стула и с некоторой рассеянностью смотрит в окно, у которого сидел в кресле отец Поля.

– Нет, музыкантом я не буду, я стану биохимиком и учёным, – кивнув, с убеждением заключил Витя.

После дня рождения в доме Поля на несколько дней воцарилась какая-то неопределённость, напряжённая тишина, папа ходил задумчивый и почти не разговаривал с Полей. С Витей Поля тоже не разговаривала и даже не смотрела в его сторону, а он и не лез к ней, замкнувшись в себе и что-то читая. Правда Поля быстренько заглянула на обложку, когда Вити не было, это была книга «Девяносто третий год» Гюго.

«За что наказан был – зато мне мысль дана
Ему бы силы дать а не отнять того что нет
Богатства нет – не быть пророчит он
И прожит ты и смерть тебя постигнет
И нищеты порок – порочен ты?
И нет тебе друзей»

Жизнь Поля значительно отличалась от подавляющего большинства детей в школе и, хотя она училась в привилегированной школе, где учились дети высокопоставленных и обеспеченных родителей не многие могли себе позволить то, что для Поля было естественным и обыденным. Они с папой занимали два верхних этажа и часть крыши в новом современном доме с видом на озеро. У них работали две домработницы, рабочий, охранники, няня и два шофёра для папы и Поля. В дом, где жила Поля невозможно было войти без предварительного согласования со службой безопасности, и потому каким образом прошёл Витя, оставалось загадкой. Полю всегда отвозил и привозил на машине шофёр в сопровождении няни и личного охранника, куда бы она не отправлялась: в школу, гулять в парк, театр, кино или музыкалку и охранник мог запретить Поле куда-нибудь пойти, если считал, что там ей не безопасно, не поддаваясь ни на какие уговоры и обещания. Полю это очень огорчало и тяготило. У неё была единственная подруга Катя, с которой Поля могла свободно общаться у себя дома, а самой Поле запрещено было ходить к кому ни будь. Папа часто и надолго уезжал в командировки, и Поля редко видела его, она привыкла быть одна.

И вот вечером, недели через две, после дня рождения папа вошёл к Поле в комнату и, помявшись, в нерешительности у двери спросил: «Поля нам надо поговорить, ты можешь уделить мне время?»

Поля лежала на диване и читала книгу, отложив её не закрывая, она села, удивлённо глядя на папу. Папа подошёл и сел рядом на диван, сгорбившись, он локтями упёрся в колени, сцепив руки в замок и ёрзая на месте, не знал с чего начать. Потом откинувшись на спинку дивана и машинально взял книгу, которую читала до этого Поля.

– Что читаешь, если не секрет, – взглянув на обложку, вслух прочитал: «Отверженные», – папа удивлённо смотрел на страницу, на которой остановилась Поля как раз там, где Козетта стоит перед витриной с куклой, – а тебе не рановато читать такие книги, где ты её взяла?

– Витя дал почитать, – еле слышно произнесла Поля, осеклась и покраснела. Поля замкнулась в себя, ей почему-то было стыдно, что папа видел эту книгу, как будто он застал её за чем-то личным, очень внутренним, принадлежащее только ей одной, а не для всех. Ей очень хотелось, чтобы никто не знал, что она читает, но теперь папа знает...

– Витя..., ну да, конечно..., я собственно и хотел поговорить о нем. Понимаешь... я видел, как ты хотела выгнать его, он, что тебя так сильно раздражает или... как это... досаждают тебе? Тебе было стыдно за него, что он, честно говоря, охламон..., да?

– Да... – у Поля в горле стоял комок.

– Ну да он охламон, что с этим поделаешь. А ещё он прямолинеен, бесцеремонен, да... и носится, сломя голову, шумный... Все это так Поля, он именно такой, какой есть.

Папа помолчал какое-то время, глубоко задумавшись, он видимо забыл, что разговаривает с девочкой, он разговаривал с ней, как с взрослым понимающим человеком.

– Понимаешь Поля..., вот он принёс тебе цветы, небольшой помятый букет и заметь, букет, надо признать, очень красивый и немало стоит. А где он взял его? Кто ему его дал? – папа был погружен глубоко в себя и разговаривал уже сам с собой, но Поля, насупившись, его внимательно слушала, она видела таким папу первый раз. – Он купил цветы на свои деньги, он их заработал... на почте... по вечерам, помогал разносить телеграммы, письма, сортировал газеты... и заработал ровно столько, сколько стоит букет, который он для тебя выбрал. Не украл, не выпросил..., а заработал своим трудом!

Папа повернулся к Поле, видимо вспомнив о её присутствии.

– Я был у вас в школе и разговаривал с классным руководителем, так вот она мне сказала очень много интересного о нем, например, один эпизод, очень характерный для Вити. Ты помнишь в начале года тебе один балбес пятиклассник порвал ручку на портфеле, так Витя прохода тому мальчишке не дал, в течении нескольких дней он без конца нападал на него и выбивал у того портфель из рук, пока и у того ручка не порвалась на портфеле и сразу прекратил. Они несколько раз дрались, пришли жаловаться родители и тогда у завуча выяснилось, что с тем мальчишкой все боялись связываться, потому что он обижал только младших. Можно конечно сказать, что это мальчишество, стоит ли на это обращать внимание, придавать всему этому хоть какое-нибудь значение...? Да..., а на что надо обращать внимание, если не на это? Что имеет значение? – Папа помолчал в задумчивости немного, – когда он запел, я как будто снова стал студентом, я ведь тоже первую свою научную публикацию посвятил нашей маме. Мы с ней тогда только познакомились, но я ей посвятил самое ценное, что у меня было – свою работу, свою первую самостоятельную работу – своё достижение. Знаешь Поля, такие люди, как Витя, очень большая редкость, если рядом с тобой оказался в жизни такой человек, значит, в тебе есть что-то значимое, истинное, что-то настоящее..., – папа как-то неожиданно погрузился, покачал головой, – они никогда не ошибаются, никогда, – и с сожалением закончил, – они не могут ошибаться.

На следующий день Поля в школе была как в воду опущенная, сидела, ни на кого не обращая внимания, потупив глаза, никуда не выходя за партой, и теребила в руках носовой платок. Когда уроки закончились, и все уже выходили из класса Поля, вдруг покраснев, очень тихо и не поднимая глаз, произнесла: «Витя... знаешь... я...», она не знала, чего ещё сказать и готова была расплакаться, просто сидела и молчала, глядя в платок. Толчок локтя в бок заставил её повернуть голову, Витька, повернувшись к ней, смотрел ей в глаза и протягивал руку: «Друзья!», Поля подала ему свою руку: «Друзья!», Витька её старательно потряс.

«Мне ли не узнать всю тщетность сил
Стремленье ввысь как помыслы к Тебе
Не ты ль спросил о доле смерти
Постиг тебя свет жизнь отняв
Материя пусть будет для людей
А Ты все потерял себя познав»

Рано утром, когда солнце только-только своими первыми лучами осветило горизонт в село на берегу небольшого лесного заболоченного озера, где в совсем старых избушках доживают свой век несколько стариков, вошёл старик, сгорбленный, в темно серой поношенной

одежде и с холстяным мешком за плечом. Дошёл до середины села и остановился, постоял некоторое время, а потом подошёл и сел на брёвнышко, лежащее у изгороди и сидит, будто ждёт кого. Солнце поднялось, а он сидит, не уходит. Люди посматривают в окошки, мол, чужой человек в селе. Старики вышли, неподалёку присели на брёвнышках, искоса поглядывают на пришлого, да переговариваются в полголоса про себя, а тот сидит не шевелясь. Потом вдруг как очнулся, встал, подошёл к старикам.

– Добрый день. Разрешите, я здесь с вами посижу, узнать кое-что хочу? – старик смотрел, прищурившись, и улыбаясь одними глазами.

– Добрый день, да садись, конечно, – неожиданно, когда старик подошёл все, как-то начали волноваться, все разом говорить, перебивая друг друга, – куда путь держишь, если не секрет, откуда идёшь, как звать?

– Думаю, что уже пришёл, вот хочу здесь обосноваться, позвольте? А зовите меня просто Тимофеем.

– Да живи, если хочешь, занимай любую избу, вон стоят брошенные. – Старики подивились, но со стороны поглядывают, что за странный человек пришёл. – Места у нас совсем гиблые: болота, непроходимые леса, камни, полумрак. Чем живём? – да огород, ставим силки, грибы, ягоды, ловим рыбу помаленьку.

Старик поблагодарил, избу занял одинокую, в стороне от села в лесочке неподалёку от озера. Расчистил пространство вокруг дома, затеял несколько небольших огородов, смастерил лодку. Старики смотрят со стороны удивляются, но согласились, что правильный человек пришёл. А старик в свободное от работы время все расспрашивал: где какие колодцы были, дороги, где стояли в округе ещё деревни, с чем связаны названия мест, в своё время..., любопытный старик оказался. Подолгу пропадал в лесу, а потом, как-то вечером приходит и говорит: вижу, что в своё время давно здесь была естественная система озёр, соединённая единой сетью рек и ручьёв, русла хорошо сохранились, но они завалены и если старики разрешат, то он хотел бы восстановить естественную систему тока воды. Старики только пожалы плечами, мол, делай, как знаешь, хорошее дело затеял, только как одному, но чем можем, пособим. Через некоторое время пошла вода, реки и озера пришли в единое движение, болота ушли, освободив большие пространства лугов, открылись заросшие дороги между селениями, к тому же, как выяснилось в своё время мощённые камнем. Завели скот, птицу, полно рыбы, зверья. Стали приходиться и селиться люди, появились дети. Сельские дети очень любили старика, помогают ему во всем, как могут, а он им игрушки мастерит, грамоте обучает, сказки рассказывает да в житейской премудрости наставляет. И вот через несколько лет старик попросил односельчан пособить ему в строительстве нового дома, а то его совсем развалился от старости. Всем миром поставили просторный дом, который простоит лет двести-триста не меньше, а возможно и больше. Так вот они и живут.

Как-то утром сидит старик возле дома, мастерит что-то, а мимо идёт в лес с ружьём охотник... старик, как бы, между прочим, говорит: «Не ходи сейчас в лес», – «Почему это?», – спрашивает охотник. «Не надо сейчас человеку ходить в лес, не время, подожди, когда можно будет». Помялся охотник, но понимал – этот человек знает, что говорит, потому развернулся и пошёл домой.

Пошла молва о селе во все края, что, мол, живут там люди счастливо, ни о чем не тужат, потому стали приходиться из дальних мест посмотреть, расспросить. Пожалуйста, смотрите, чем можем, пособим и рассказывают: так у нас старший есть, Тимофеем зовут, он знает где, когда и что сеять, сажать, собирать, когда косить, какие года будут урожайные, а какие нет, грамотой владеет, лечит людей и животных. А самое главное знания свои людям передаёт, у нас уже многие овладели его знаниями, разными искусствами, ремёслами... так миром и живём.

«И ты что здесь живёшь все смотришь на меня
Не ты ли сразу стал немым
Иль тот кто будет нем и прям
Меня ты стерпишь для свободы
Слова пришедшие извне меня хотят узреть
Но ты не верь им
Не все на свете плод и разум
Ещё есть истина одна
Она дана тебе – Ты смертный!»

Прошло четыре года, за это время у Вити помимо увлечения книгами появилась страсть к музыке, исключительно классической, но особенно он увлёкся старинной музыкой. Он все время приносил в школу различные ноты, книги и на уроке или на перемене сидел и старательно их переписывал для себя, как правило, сидя один на задней парте. Учителя настолько привыкли к его поведению, поступкам, что сквозь пальцы смотрели на все его выходки: «Пусть делает, что хочет, лишь бы не мешал», – сказала как-то классная руководитель.

В конце октября, Витя подсел на перемене к Поли и возбуждённо начал рассказывать, как они вчера с Андреем ходили в филармонию слушать вторую симфонию Чайковского, притом активно показывая звучание руками. «Ты бы только слышала, что там за четвёртая часть, это же ликование, единая радость бытия, и представляешь в основе ведь самая простая песня, вот оно настоящее, где все просто, незатейливо и в тоже время грандиозно!» Поля любила и понимала классическую музыку, но не настолько, чтобы разбираться в том, как вчера, например, звучала валторна или первый кларнет во второй части и сравнивать его с другими исполнениями, в том числе с первой редакцией симфонии, запись которого он слышал у Андрея.

– Ты сегодня на игру придёшь..., сегодня в три?», – когда прозвенел звонок на урок и уже вставая, спросил Витя.

– Приду, – безразлично кивнув, согласилась Поля, – а где?

– Там, за заводом на берегу, при выезде, мы там ещё весной играли, помнишь...?»

– Да помню, хорошо приду.

«Душа стремится ввысь к свободе
В безличие своём найдёт покой она на месте
И радость бытия не омрачит тот вечный ей покой
В величие она себя постигнет
И не увидят здесь ни слезы пот и стон
И нет здесь радости лишь заточенье
И я пленён полётом не увидев сон»

В школе один из учителей физкультуры бывший известный футболист параллельно вёл футбольную секцию, и Витя, со своим другом Андреем, играли за школу. Андрей был старше на три года Вити и Поли, он одинаково хорошо мог играть и в нападении, и в полузащите, но вынужден был стоять в воротах, потому что лучше вратаря, чем он было не найти. Андрей был очень тихим и стеснительным, всегда независимо от того, с кем он шёл и куда, он шёл сзади чуть поодаль, всегда в помещение заходил последним, ни с кем никогда не спорил и даже если был не согласен с собеседником, ограничивался восклицанием: «Да, конечно я вас понял». Учитель истории как-то на уроке упомянула Андрея, сказав задумчиво: «У меня за многолетнюю практику никогда не было такого ученика». Что она имела в виду? А потом добавила: «Я один раз ради эксперимента на уроке спрашиваю, кто готов отвечать и задаю вопрос по теме, которую мы только через полгода должны по программе изучать, а Андрей, как ни в чем не

бывало, поднимает руку и отвечает так, как если бы мы только вчера эту тему разбирали. У меня даже сложилось впечатление, что он и не заметил подвоха». Андрей жил вдвоём с мамой, отец у него в своё время, известный музыкант, умер, когда Андрею исполнилось десять лет. Старинный приятель отца пригласил Андрея учиться в музыкальной школе, где тот преподавал, на инструменте отца – фаготе. У этого же педагога в музыкальной школе учился и Витя.

Андрей не мог припомнить, когда он подружился с Витей, это вышло как-то не заметно, само собой. Было такое ощущение, что они всегда были знакомы, хотя он и помнил их самую первую беседу в школьной столовой. После уроков Андрей решил пообедать в школе, а не идти домой перед футбольной тренировкой. Он сидел в столовой и читал Богомолова, когда к его столику, не спрашивая разрешения, сел с тарелкой супа Витя. Витю знали все, шумный не опрятный мальчишка из детдома, всегда для всех от него было одно беспокойство. Но Андрея он не раздражал, как многих, наоборот, Андрей, наблюдая за Витей, отмечал в нем внутреннюю собранность, вдумчивость и самое главное самостоятельность. Всегда сдержанный, молчаливый, скорее склонный наблюдать за происходящими перед ним событиями, чем быть их участником, Андрей, всегда для себя отмечал, как Витя на поле во время игры или тренировки младшей группы, всем подсказывает, старается помочь и, что больше всего поражало, так это то, что все свои усилия Витя отдавал команде, не для себя играл, а старался именно чтобы команда играла слаженно, умно. Он сразу для себя отметил, что Витя, ни с кем не ругаясь, никого не заставляя, а только своим отношением, самоотдачей, пониманием, в сущности, управляет всей игрой на поле. Наблюдая за ним, Андрей пришёл к выводу, что тот непогодам умён, и если отбросить из внимания его возраст, импульсивность, дурашливость, что для всех сразу бросается в глаза, то Витя представлял тогда чрезвычайно интересным и умным человеком. И сейчас он обращался к Андрею, хотя они ни разу до этого не разговаривали, так как будто они не просто знакомы, а друзья и уже давно: «Привет Андрей, я теперь тоже в вашей команде играю за школу, меня тренер на правый фланг поставил, говорит, что я быстрее всех бегаю и хорошо веду мяч».

«Ну что ж природа наконец вошла в свои владенья
А ты лишь тот к кому я обращаюсь
Пойдёшь туда где имени твоё и сын твой ждёт
Себя прими и брат мой примет о том что имя говорит»

Андрей оторвался от чтения, удивлённый таким бесцеремонным и простым к нему обращением.

– Я тоже читал это, даже два раза, – Витя мельком только взглянул на книгу в руках Андрея, но узнал её.

– Читал? И что же ты в ней понял? – Андрей был несколько заинтригован, он почему-то не сомневался, что Витя читает подобные книги и Андрею стало очень интересно услышать его мнение.

Витя, не отвечая, быстро доел суп и рванул за вторым. Вернувшись, он с набитым ртом начал объяснять: «Вот смотри, для того, чтобы хорошо играть в футбол на уровне мастеров сколько надо тренироваться и играть – много лет. Или любое занятие, какое хочешь, возьми, сколько надо учиться и заниматься, а потом ещё работать, чтобы стать хорошим агрономом, инженером, музыкантом? Тоже много лет. Ничему невозможно научиться сразу, мгновенно... раз и стал. Кто-то медленнее, кто-то быстрее научится, но никогда сразу. И вот в книге, там каждый жил своей мирной жизнью, один там овощи выращивал, другой историей занимался. Да вообще совсем не важно, чем они там занимались до войны и вдруг раз и сразу надо стать военным. А потом раз и они вдруг уже стали спецподразделением высшего уровня по борьбе с диверсантами. У них не было времени проходить всякие длительные школы подготовки, пере-

подготовки и прочее, а все дело в том, что именно сразу, раз и все оказались в такой ситуации, где нужно было применять навыки по борьбе с диверсантами на самом высшем уровне, потому я и понял – они в мирное время работали и жили так, что просто применили те навыки и знания, каким овладели на своей работе в мирное время. Они и воевали также, дело не в том, чем ты занимаешься, а как ты к этому относишься, потенциал человека может раскрыться в самой неожиданной форме по мере необходимости в нем или в создавшихся обстоятельствах, то есть, сразу проявится. Не в выбранной профессии дело, совсем не в этом. Ведь понимаешь, они же не вора рецидивиста ищут, который там украл что-то. Нет, здесь война, представляешь какое отношение у этих троих к возможной своей ошибке? Какой меркой они оценивают каждое своё решение, если не получилось обезвредить..., что их там поругают, расстреляют или что можно сделать... – ничего! Они не диверсантов обезвреживали, а победу добывали на месте своими руками. План любой компании, какой угодно, наступления там всякие, маневры или спецоперации могут быть только задуманы и исполнены теми, кто это своими руками может выполнить..., ты понимаешь насколько это все меняет, если на войну смотреть так..., не маршалы, генералы или стратеги имеют главное значение на войне, а кто непосредственно будет воевать: стрелять, искать и обезвреживать диверсантов, добывать сведения, уничтожать противника и все так. Это они решают, как победить врага, не командир, а рядовой и не военный, а мирный, обычный человек в военное время, ставший на время – военным! Вот что я думаю об этой книге.

Витя доел компот и сидел рассеянно глядя в окно.

– Да, я согласен с тобой, я тоже думаю про это, и даже пришёл к выводу, что там по сути две войны описаны..., как это ни странно прозвучит, – Андрей волновался, Витя рассказывал, то, что ему тоже было очевидно, точнее, что он предполагал, как очевидное, но не был уверен, а Витя тоже видит эти вещи – важные и необходимые для понимания.

«К тому же придёт вослед основа
Что не может быть понято
Ты миры создаёшь
Что принято в том лучезарном Бытие
Что и так вне сознания»

– Как это две войны, объясни? – Витя сосредоточенно смотрел на Андрея.

– Видишь в книге описано противостояние русских против русских, это первая война и там говорится, что не с наступлением врага эта война началась, а непримиримые противоречия внутри нашего общества существуют уже давно, очень давно, а враг только использует их в своих интересах. Получается, что внутренний враг и внешний враг объединились, вот с кем воюют эти трое. Но против кого, почему здесь не может быть мирного договора, соглашения, а только одно должно или даже может остаться? Здесь самое главное это понять сущность самого противостояния, на чем оно основано, почему оно могло возникнуть? Что вдруг происходит с людьми, что они готовы убить друг друга, хотя при этом могут быть братьями или отец с сыном, ну и вообще, что вдруг случилось?

– Нет согласия! Чувствуешь, в слове есть два значения: я не согласен или нет согласия между людьми. У людей пропало чувство единения на основе согласия, люди не знают, что это такое и просто подставляют придуманные значения, сами для себя оправдываются. Вот идут диверсанты на свою же Родину, помогать врагу, у которого одна задача, уничтожить здесь все живое. Они что не понимают, что они делают? Вот в том-то и ответ, что не понимают!

– Не понимают? – Андрей озадаченно смотрел на Витю, – ты знаешь мне не приходило это в голову, я всегда считал, что они отстаивают свои убеждения, борются за Родину, пусть по-своему, но за Родину, а ты сейчас сказал, что у них нет, получается Родины, они именно

уничтожать её идут, чтобы и памяти не осталось, чтобы забыли о том, что она есть или была? Ты это сказал? Но ведь тогда и не люди они вовсе, а только с виду похожи. Ведь это так страшно, – Андрей смотрел на Витю с испугом.

«Мудро терпение бытия
Есть одно из первооснов видения
Обезличенное видение есть понимание
Но тому кому в уста вложено истина бытие не имеет иного имени как мудрость
Овладевает истиной и она излучает свет на все познаваемые сущности
И тому лишь дано кто её ищет»

Андрей по вечерам дома, сидя у себя один в комнате пытался воспроизвести в словах то, что он услышал, но не звуки или образы, а скорее это были несвязанные отдельные зарисовки единой картины. Он интуитивно видел её, и деталь за деталью постепенно наносил, увиденное, на холст своей книги. Он её ещё не написал, пока он просто зарисовывал словами отдельные фрагменты, которые потом со временем приобретут законченную картину.

После бесед с Витей Андрей заносил свои мысли в большую тетрадь, которая со временем должна была стать основой его будущей книги.

Из тетради Андрея:

«Звучание Баха по вечерам, до суеты ему нет дела, да и мне не больно нужно, чтоб думали и обо мне так же.

Но силы покинули меня в день, когда все смолкло и мне стало довольно скучно, не объяснишь сейчас это, да и надо ли. Я вырос и превозмог себя по духу и мыслям. Так разве так продолжать, когда нет уже свежести в идеях. Все поправа суета, и суета все превозмогла.

Слушая его я, как бы видел расстояние до него. Тянусь и пытаюсь сосредоточиться или, точнее, мысли, слушая, боюсь отпустить, понимая, что мысли только и могут возникнуть, слушая его.

Звучала флейта и картина, написанная кистью, маслом, по холсту, плохо натянутому, но чрезвычайно дорогому. Впервые покрывало холст то масло, которое придаёт этому миру тонкость и хрупкость ..., беззащитность. Ведь дуновение ветра можно написать, потому, что можно увидеть или представить. А себя?! Как можно изобразить себя, если даже с трудом представляешь образ, ведь я могу только передать какое-то движение. Не его я изображаю, а себя вижу в этом движении. Это именно то, что искал мой разум, вдохновлённый только общением. И, запыхавшись, бегом от суеты, успеваю подумать о нем, о его звуке – будто услышал флейту на остановке в метро. А разве флейта не будет звучать, когда звук колёс – уже музыка холста и, разговор с маслом обретает образ его звучания – когда я его слушаю!

Поспешные выводы скорее напоминают зауспокойный марш с триумфом и фанфарами, обращёнными ко мне лицами вполоборота. Приподняв руку и туман вот-вот поднимется откуда-то сверху. Он уходит вперёд по коридору, как по улице. Там вечер и там ещё не рассветало».

«Ожидание и надежда на избавление
Не есть ли это путь добродетели
Благородство несёт в себе истину
Суть которой в рождении благородного
Путь силы идёт от духа
Он направляет на подвиг»

Так как Поля дружила с Витей, то в команде её считали своим человеком. После игры или тренировки она могла часами сидеть с мальчишками на стадионе, в парке или всей толпой шли в мороженицу. Болтали о всяком, смеялись, обсуждали игру. С этого года, посчитав её достаточно взрослой и ответственной девочкой, папа разрешил Поле самостоятельно везде ходить и ездить без постоянного контроля, полагаясь на её «благоразумие», как он выразился. Но папа был крайне недоволен, что Поля дружна с ребятами из футбольной команды.

– Ты не понимаешь Поля, – горячо говорил папа, расхаживая по кабинету, – это же уличные мальчишки, шпана! – вот они кто, просто уличная шпана, и ты с ними. Ну, хорошо Виктора я знаю, а остальные? Что от них можно ждать? Что у них на уме?

– Папа у нас в районе я с ними в большей безопасности, чем с твоим охранником, – отрезала Поля.

– У тебя, что нет более интересной компании, чем дворовое хулиганье?

– Никакие они не шпана и не хулиганье, а нормальные ребята, только любят футбол, – Поля была крайне раздосадована, таким отношением к ним и к ней папы, мнение которого она очень ценила, но в данном случае, как ей казалось, он был не прав.

– Пойми, я очень за тебя волнуюсь, я не могу тебе запретить с кем разговаривать или встречаться, это твой выбор, но будь осмотрительной, я полагаюсь на тебя. . .

Поля возвращалась из школы домой вместе с Катей, обсуждали нового учителя истории, который пришёл совсем недавно вместо заболевшего.

– Папа у тебя опять уехал, я тогда зайду к тебе вечером? – Кате очень хотелось посмотреть у Поли новое ожерелье с камнями, что недавно папа привёз ей из Китая.

– Нет, сегодня не получится, сегодня ребята играют, я за них болеть пойду.

– Дался тебе этот футбол, не понимаю, идиоты какие-то. . . гоняют мяч, и где сегодня?

– За заводом, при выезде из города.

– На берегу? – у Кати заблестели глаза, – я с тобой пойду.

– Зачем, тебе же не нравится футбол? – Поля не заметила Катиного преображения.

– Ну и что, просто так посмотрю за компанию.

Небольшой уютный стадион располагался рядом с заводом, на котором изготавливали небольшие прогулочные яхты, за ним уже город кончался, и шли пустыри, начинались стройки новых районов. Игра была принципиальной с главным соперником. Андрей взял пенальти, и ребята выиграли один : ноль. Как только игра закончилась, и футболисты пошли в раздевалку, Катя вскочила, схватила Полю за руку и бегом куда-то потащила за собой. Они обежали вокруг стадиона и полезли в кусты, что росли вдоль реки.

– Ты чего Катя, куда ты меня тащишь, – Поля не понимала, что они делают, но подчинялась Кате.

Они пролезли к берегу и притаились в кустах за невысокой глиняной насыпью. Метрах в трёх от них по берегу шла песчаная коса, а сбоку от берега в реку уходила огромная железобетонная конструкция метров пять, шесть высотой, покосившаяся и полуразрушенная. Чтобы на неё можно было забраться, от берега были переброшены две доски.

– Мальчишки сейчас купаться будут, они всегда здесь купаются, – зашептала Катя Поле в ухо.

– Купаться? – не поверила Поля, – вода же ледяная, они что сдурели?!

– Они голыми купаются, – хихикая, шептала Катя.

От раздевалки уже бежала ватага мальчишек человек шесть, среди них Витька и Андрей совершенно голые. Они пробежали мимо притаившихся девчонок, прошли по доскам на железобетонку и прыгнули в воду. Выплыв на берег все залезли наверх и стояли в ожидании, стояла абсолютная тишина. Андрей встал на самый край спиной к воде, выпрямил руки перед собой, немного присев он взмахнул руками за голову и прыгнул назад, подтянул колени, взяв груп-

пировку, выкрутил два сальто, перед самой водой он раскрылся и, выпрямившись в полный рост, ногами вошёл в воду.

– Во даёт... Андрюха ну ты молодец... научи меня... – загалдели все ребята наперебой.

– Ну, дураки, – хихикала Катя, зажимая рот рукой.

Андрей стоял на самом краю, а каждый из мальчишек по очереди становился спиной к воде и прыгал назад, а Андрей помогал, подкручивая того за ноги. У кого-то получалось одно сальто, кто-то не мог выкрутить до конца и падал, как попало в воду, так продолжалось минут пять.

– Так, все пора заканчивать, а то совсем промёрзнем, – сказал Андрей и вся ватага беспрекословно побежала назад к раздевалке.

«Познаваемы ли сущности

Но непосредственно твоя сущность бытие определяет и имеет в себе обязанности

Выполнение их это ты сам

Не принимай все как истину

Вижу окружение случившегося

Но при этом все есть истина сама в себе

Я поверю тебе»

Вечером, ошеломлённая увиденным, Поля сидела у себя в комнате на диване, обхватив руками колени, и перед её глазами всё стояла картина, как Андрей прыгает назад, а потом, как каждый из мальчишек молча также прыгает назад и летит вниз. Вот они оказывается, какие мальчишки! Поля поняла, что она совсем не знает какие они, она даже до сегодняшнего дня не догадывалась, какие же они на самом деле. Поля не была слабой или трусихой, она хорошо каталась на горных лыжах, могла прыгнуть с трёхметровой вышки в бассейне. Но здесь совсем другое. Она в тёплой куртке и джинсах там, на берегу замёрзла. А они боролись с болью, страхом, холодом ради того, чтобы победить. Нет, это не купание, это прямо битва какая-та, сражение.

Более недели Поля ходила под впечатлением от увиденного, её обуревали противоречивые мысли, эмоции, она все пыталась представить себя: голой, на глазах у всех, прыгающей назад в эту ледяную пропасть. И вот как-то идя в школу Поля, вдруг остановилась, как громом поражённая от неожиданно накатившей на неё мысли, у неё буквально перехватило дыхание, она в ужасе оцепенела: «А если вдруг ребята узнают, что я за ними подглядывала?». Поля почувствовала, как она сквозь землю проваливается от стыда и в груди так защемило, что даже трудно стало дышать. В школе она ничего не могла поделать с ватными руками и ногами, все валилось и портилось, а Витька, как назло, пристал к ней с каким-то новым придуманным им и Андреем концертом. Поля не то, что слышать, что там Витька говорит, она глаза боялась поднять, только кивала головой.

Поля сидела дома вечером одна, сжавшись в комочек в кресле у себя в комнате в темноте, и размышляла о том, что же теперь делать, может признаться и что тогда, позор перед всеми, она даже боялась подумать об этом. Перед глазами стояли лица ребят смешливые, угрюмые, сосредоточенные, беззаботные и она с ними была такой, потому что она своя, ей доверяли, доверяли искренне, Поля никогда не обманет, не может обмануть. Поля расплакалась, ну как им скажешь, они даже, наверное, не поверят ей, кто угодно, а Поля не может разрушить доверие.

«Кто ведает это лишь ветер шумит в ветвях деревьев

И листья распустились и тихо качаясь пленяют

Меня своим целомудрием и своей мудростью

Небо обнимает их и птицы летят всегда навстречу порыву
И искренне любят друг друга
Кто идёт здесь вместе со мной
Кто сказал эту сказку»

Так вот сидя в одиночестве и тихонько плача, незаметно Поля задремала: кусты вокруг сплошной стеной, Поля пытается их раздвигать руками и потихоньку идёт вперёд, наклоняясь, переступая через ветки и вдруг перед ней каменная стена, Поля пошла сначала влево вдоль стены, ища выход, потом пошла вправо и наткнулась на низенькую деревянную дверь, утопленную в стене. Поля подёрнула дверь, но она закрыта была изнутри. Она стояла перед дверью, не зная, что предпринять. Через некоторое время внутри за дверью послышались шаги, Поля снова подёрнула дверь. Раздался звук отодвигаемого засова и дверь отворилась наружу, Поле пришлось посторониться, чтобы дверь открылась. Согнувшись вышел старик в тёмно-серой поношенной одежде, оглядел Полю снизу доверху, потом прищурившись внимательно снизу заглянул ей в глаза, как будто искал в них что-то, видимо удостоверившись, старик с удовлетворённым лицом посторонился, освобождая вход: «Проходи». Поля низко наклонившись, вошла внутрь и остановилась в нерешительности. Старик запер дверь на засов и пошёл вперёд, Поля пошла рядом с ним. Повсюду был серый однородный тусклый свет и вокруг уходящие до бесконечности ввысь колонны и стены разнообразных геометрических форм. Пол состоял из широких и неровных каменных плит. Поля обернулась назад и увидела за своей спиной, что стены смыкались в лабиринт, а впереди перед ними прямой путь между стенами и колоннами. Вдруг Поле почему-то показалось, что это Витя идёт рядом с ней, а не старик: «Витя, это ты?», – Поля всматривалась в профиль лица рядом, ну точно Витя. Старик повернулся к ней лицом: «Какой я тебе Витя..., Тимофеем меня зовут». Обозналась, решила Поля, но ощущение что это Витя все равно не покидало. Наконец, они подошли к одной из стен, в которой была такая же низенькая дверь. Старик отворил её наружу, пропуская Полю вперёд. Снова низко наклонившись, Поля вошла в очень просторный, но низкий почти пустой зал, больше напоминавший подвал. Сзади опять послышался звук задвигающегося засова. Пол был земляной, а стены из огромных валунов. Посредине залы горел небольшой костёр, по кругу обложенный валунами поменьше, потолок состоял из переплетённых корней и земли. Перед костром стоял широкий и низкий деревянный стол, за которым сидел человек и, не обращая на них внимание, гусиным пером медленно выводил на пергаменте какие-то знаки. Между потолком и головой оставалось совсем небольшое пространство, что позволяло Поле выпрямиться и стоять во весь рост.

Человек закончил рисовать, отложил пергамент, сложил руки перед собой на столе и посмотрел на старика.

– Пришёл! – сказал он, как подвёл черту под чем-то законченным. Полю человек за столом вообще не воспринимал, как будто её и не было в зале. Потом человек повернулся и спрыгнул со стула, на котором сидел под стол и скрылся. Он вышел из-под стола и неожиданно оказался ростом Поле немногим выше колена. Он был совершенно нормального телосложения и пропорционально сложен, даже изящен, но просто маленький. И одет он был как-то странно, Поля видела такого человечка в иллюстрации, к одной из сказок в детстве. Он подошёл к Поле, остановился напротив неё и, не поднимая головы, смотрел на её туфли, колени, обошёл вокруг, все также разглядывая её ноги. Потом поднял руку и подёргал за край юбки, как будто собиравшись её стащить. И только после всех этих манипуляций он отошёл немного подальше и изучающе посмотрел снизу Поле в глаза. От его взгляда Поле на мгновение стало жутко, она прямо видела его взгляд перед собой и внутри себя, причём взгляд настолько не добрый, но и нельзя сказать, что злой, просто это был взгляд, от которого не скрыться, беспристрастно изучающий тебя изнутри.

– Настоящая, – констатировал человек, – а звучит как?

Он подошёл к столу, вскарабкался на стул, потом на стол и пошёл по нему, что-то разыскивая, вытащил из-под наваленных грудой свитков деревянный молоточек, спрыгнул со стола и снова подошёл к Поле. Достал из внутреннего кармана своего камзола маленький золотой камертон, стукнул по нему молоточком, вытянувшись и став на носки, приложил к Полиной груди. Раздался негромкий звук камертона, который как эхо начал отражаться от стен создавая какофонию звуковых наслоений и объединившись вдруг вокруг них зазвучала партита до минор.

– Выбор, выбор..., – запел человек, – ясно слышу выбор. Число 2, красный, ну что ж достойно..., даже багрянец..., – человек пошёл к дверям, не переставая бубня себе под нос что-то о багрянце и туфлях. Он взял висящую лампу перед выходом, отодвинул засов и вышел из зала. Старик ни слова, не говоря и не обращая внимания на Полю вышел за ним. Поля растерянно стояла, не зная, что ей делать, а потом бросилась вдогонку. Человек шёл первым, за ним рядом друг с другом старик и Поля. Подойдя к одной из стен, человек зажёл лампу, одинокий луч начал шарить по стене и Поля увидела, что вся стена состоит из корешков книг, совершенно одинаковых и бесцветных. Видимо найдя, что искал, луч вытащил одну книгу из стены и исчез, книга упала к ногам человека. Поля почувствовала толчок локтем в бок и шёпот в самое ухо: «Считай». Человек поднял книгу и раскрыл её, она была чистой, но Поля отчётливо увидела, как первая страница начала сама собой заполняться записями, как будто кто-то невидимый писал в книге быстро и не разборчиво и сразу же над самой головой прозвучал очень низкий и тяжёлый звук колокола, потом второй, третий, четвёртый... с каждым новым ударом звук удалялся и становился все тише, двадцать пять считала Поля уже еле слышный звук, двадцать шесть, двадцать... книга захлопнулась.

«Твоя ли сущность как мотылёк над ручьём
В ясный день без движения воздуха передаст высокое слово
И только речь обретёшь как сразу проснётся ребёнок
Руки к тебе протянул и улыбнулся во сне
Мягкое касание пророка до бесчувственного тела надежды
Я ли не дал вам значение слова»

В пред выпускном классе Андрей уже точно для себя определил, что станет философом и будет поступать на философский. Это решение он принял, после весенней игры на стадионе за заводом. После игры ребята, как всегда побежали купаться, и вот один уже взрослый парень сказал, что он может прыгнуть одно сальто назад с железобетонки и прыгнул. Он не до конца выкрутил сальто и грохнулся вводу головой, видимо больно ударившись при этом, но с Андреем, видевшим этот прыжок, произошло что-то необъяснимое. Его поразил этот прыжок – безрассудный, отчаянный, при том, что видно было – парень совсем не умел прыгать сальто назад, однако прыгнул.

– Вить, знаешь, что я решил? – они с Витей шли вместе после уроков и Андрей был явно чем-то взволнован.

– Что? Ты последнее время какой-то странный, что случилось?

– Я решил стать философом..., ну не то чтобы стать, я неправильно говорю..., философом не становятся, я просто решил, что я научусь делать не одно сальто назад с железобетонки, а два – с ног в ноги. Обязательно до поступления. Если я сделаю, значит, я чего-то стою и могу быть философом..., вот так!

– Зачем тебе надо крутить обязательно два сальто? – Витя был явно озадачен.

– Это очень, понимаешь, очень важно, я говорю это только тебе. Прыгнуть одно сальто с такой высоты назад это очень сложно. Я боюсь высоты, боли, холода..., понимаешь, не то

что я трус, а на подсознании, опасаясь удариться, как все..., боюсь, рационально, по глупости повредить что-нибудь. Более того, я научусь сам, понимаешь, сам, без подсказок и помощи, опираясь только на свой полученный опыт и здравый смысл. Я считаю, что Философом может быть только тот, кто способен мыслить самостоятельно, вот о чем я говорю. Самостоятельно! А я не умею, пока..., все что я знаю, мне дали, не сам доказал, понял и принял решение, а дали в готовом виде..., а я просто взял, без труда. Понимаешь, как это важно? Если я сумею сделать два назад, то я готов, я могу ставить перед собой цели, самостоятельно принимать решения и сам тогда отвечать за них. Только тогда я вправе сказать, что я ответственен за то, что делаю. Я хочу добиться от себя, чтобы чисто психологически для меня не стало преградой даже понятие опасности, не безрассудства, а именно опасности, с точки зрения непреодолимой преграды. Страх, боль и прочие подобные вещи не должны стать главными препятствиями для меня, не перебороть их я хочу, а, чтобы они заняли своё достойное место, как союзники, мои помощники на всю жизнь. Встреча с ними говорит о готовности или не готовности человека к изменениям. У меня есть идеи, а готов ли я доказать их, могу ли я сказать, что это открытие я доказал, прежде всего, себе, не ради похвалы или удовлетворения, а..., ради, как там, помнишь – момента истины, вот так и не меньше. Именно так, а по-другому нельзя. Потому я прошу тебя... в начале, просто побыть рядом, когда я прыгну в первый раз..., мало ли что произойдёт.

Андрей не с первого раза прыгнул, он несколько раз подходил к краю, становился спиной и не решался. Прыгал несколько раз сальто вперёд, все получалось, а вот прыгнуть назад с такой высоты, было трудно. Витя сидел на глиняной насыпи на берегу и молчал, просто ждал, ничего не советуя и не предлагая. Андрей подошёл и встал спиной, вдруг резко просто бросился назад, но видимо сразу потерял ориентацию, ноги зависли, и он со всей высоты плашмя грохнулся о воду животом. Витька бросился за Андреем, но тот сам выплыл. Живот, ноги были красными от удара, он с трудом дышал.

– Ну, вот, начало положено, теперь можно двигаться вперёд, – с трудом сказал Андрей, стоя согнувшись пополам и морщась, ему было явно очень больно.

«Никто того что я хотел бы знать не даст себя понять
Не тратя слов придёт ко мне прозрение того что я смогу лишь миру дать
Не истина завет а мудрость бытия в начале что всем дана
И мысль как молния мгновенна в своём стремлении понять»

Синяк был практически на весь живот, тренировки пришлось на время прекратить, пока боль ни много не спала. Он даже два дня не мог ходить в школу. За две недели тренировок, до начала летних каникул Андрею удалось добиться уверенного выкручивания одного сальто назад, в воду он входил ногами, полностью раскрывшись и, как он говорил, – зряче.

На летние каникулы ребята разъехались, кто куда. Витя с детдомом уехал в лагерь на море, а Андрей к дальним родственникам в деревню. Там на реке он нашёл дерево с нависающими над водой довольно крепкими ветками и стал тренироваться. Над водой высота была не более полутора метра, притом ветки прогибались, но Андрей в течение лета освоил уверенное исполнение одного сальто на этой высоте, даже пытался крутить два, но крутки не хватало, после первого сальто он как бы останавливался, зависал и падал в воду на спину или на шею.

Накануне нового учебного года ребята встретились на первой футбольной тренировке. Рассказывали друг другу, что видели, где были. Витя пришёл не один вместе с ним пришла его одноклассница Поля, может они просто гуляли, может Поля, по дороге куда-нибудь, просто зашла из любопытства, но она не ушла, а осталась посмотреть тренировку ребят. Все ребята знали, что Поля и Витя друзья, но никто не предполагал, что Поля с этого года станет ходить на все их игры и искренне болеть за ребят, ведь девчонки не любят и ничего не понимают в футболе. С первого же появления Поли все приняли её как свою, как будто она всегда была

здесь. Её даже удивлённо спросили, а почему раньше так редко приходила, но она сказала, что папа не разрешал раньше ей одной ходить, а с этого года она теперь сама решает, где ей быть и с кем. Осенний график игр был очень напряжённый – по две игры в неделю, чтобы успеть сыграть первый круг до холодов и снега. Второй круг проводился весной. Поля приходила почти на все игры. После игры ребята обычно оставались вместе ещё поговорить, обсудить игру, или шли есть мороженое, и Поля всегда была вместе со всеми.

Андрей надеялся, что после его успехов прыжков с малой высоты на большой высоте теперь будет значительно проще, но не тут-то было. С высоты более пяти метров оказалось, что практически надо заново учиться прыгать.

– Знаешь, что странно, – они с Витей сидели вдвоём на глиняной насыпи, перед водой, было уже довольно холодно, к тому же стало рано темнеть, потому Андрею всего несколько раз удалось потренироваться, – я все время считал, два назад, это примерно так: сначала одно, затем второе. Но я пришёл к выводу, что абсолютно не так, и вот почему: психологически я после первого останавливаюсь, а оттолкнуться для второго не с чего я в воздухе и потому, два крутятся как одно, понимаешь, два в одном, а не отдельно. Я разработал, пока мысленно, технику, как надо крутить, сегодня хочу попробовать, просто побудь рядом, вдруг чего. Андрей раскрылся, ноги пролетели над самой поверхностью воды, и он плашмя шлёпнулся о воду спиной и головой. Витька бросился в воду и, напрягаясь изо всех сил, сумел вытащить Андрея на берег, того скрючило от невыносимой боли, он задыхался и не мог выпрямиться. Опять он несколько дней не ходил в школу, врач даже предложил полежать в больнице для обследования. Уже в октябре ребята несколько раз приходили, и Андрей пробовал снова и снова и не получалось.

– Ты знаешь, как преграда какая-то, просто не пойму, – с грустью говорил Андрей, сидя в полотенце и дрожа от холода, – вроде все вижу, понимаю, а не могу, никак, такое ощущение, что я камень, брошенный кем-то и падаю, как придётся, сколько раз бросили столько раз я и падаю, как попало, мне никак не удаётся преодолеть в себе это ощущение.

«Не правда ли ко всем стремится слово наше
К нему обращены мои понятия
Ты слышишь то что сказано лишь всем
А кто во взгляде нашем даст ответ
На те вопросы которые дают понять
Не истина ли здесь присутствует во взгляде книги
Весь мир надежда»

Игра в тот день складывалась не в пользу ребят, соперник был сильный и принципиальный, собственно ребята именно с ним оспаривали первенство. Игра не клеилась, поле было скользким, иногда припускал мокрый снег, у ворот образовались лужи и Андрей, шлёпая по водной жиже, все время боялся поскользнуться и упасть в самое не подходящее время. В конце второго тайма в его ворота судья назначил пенальти. Ребята сникли, они и так с большим трудом отбивались, и ничья в принципе такая долгожданная уже была видна и тут вдруг пенальти, причём совершенно заслуженный. Андрей понимал, что бьющий финтить не станет, слишком скользко, потому будет бить на силу в угол по прямой, надо только не ошибиться. Удар был сильный и точный, нападающий и не скрывал, куда будет бить. Андрей прыгнул, вытянулся и, чувствуя, что не достаёт, закричал в последний момент от напряжения, вытягивая руку так, что в глазах потемнело и кончиками пальцев задел мяч, тот, ударившись о штангу и не задев упавшего Андрея, отлетел и остановился в луже прямо перед пустыми воротами, а бьющий не ожидал этого, потому Витька был первым у мяча. Ребята как один с ходу бросились в атаку и забили, противник просто не успел, не был готов к такому штурму. Последние десять минут

прошли в непрерывных атаках соперника, но ребята просто ложились под мяч, не жалея себя. После свистка ребята даже не радовались победе как обычно, а просто каждый подходил к Андрею и хлопал того по плечу или жал руку.

– Сегодня должно получиться, если не получится, то значит так и быть ...

– Ты что собрался сейчас в воду? – Витя смотрел на Андрея с непониманием, – там же лёд уже.

– Ну и что, весной уже поздно будет.

– Я с тобой..., ребята, сегодня Андрей двойное сальто назад покажет, – громко объявил неожиданно Витя, разделся и бросился на улицу. Несколько мальчишек тоже раздевшись, не задумываясь, побежали за ним. Последним выскочил Андрей.

Попрыгав в воду, все снова залезли в ожидании на железобетонку. Вдруг мальчишки негромко, что-то стали передавать друг другу.

– Андрей, там Поля тоже смотрит, как ты прыгнешь, слышишь...? – прозвучал чей-то шёпот.

Андрей уверенно выкрутил двойное сальто, раскрылся в полный рост и ровно, зряче вошёл в воду ногами. Потом он, ещё минут пять помогал, подстраховывая, ребятам тоже прыгнуть назад в ледяную воду, и только когда уже от холода зуб на зуб не попадал, ребята побежали греться.

«Ближайшее слово приходит ни откуда и уходит в никуда
Кто даст ответ на все вопросы
И разве будет кому-либо сказано то что не понято умом
Разум говорит невидимыми устами и не услышаны слова
Говори от того что приходит в сознание людей. И им сие»

На следующий день после школы Витя подошёл к Андрею и с улыбкой протянул руку: «Ну, что..., поздравляю философ». Андрей серьёзно, решительно пожал руку Вите.

– Спасибо тебе Вить, если бы не ты... я бы неверное так и не смог сделать. Это ты Полю позвал и ребят? Конечно ты, я это сразу понял, что ты. Мудрый ты Витька.

– Ну, ты же сам сделал, сам решил и добился, – Витька улыбался.

– Да, но не для себя, вот что это такое, не для себя, а ради кого-то или для кого-то, вчера для Поли..., ребят. Я как услышал, что она смотрит, во мне просто что-то перевернулось, вдруг такую ответственность почувствовал. Можно говорить сколько угодно об этом, а вот стать таким – ответственным за свои слова, поступки. Ты знаешь, какая это победа для меня и все благодаря тебе, Поле. Вот она твой друг, как я тебе завидую, что вы друзья.

– Да брось ты, она и твой друг, это же Поля...

– Что ты, я даже поговорить с ней боюсь, не знаю почему, ну стесняюсь, что ли. Удивительная она, просто совсем не обыкновенная какая-то. Волшебная! Ты же видишь, как она приходит, так все меняется вокруг неё. Ребята и говорить сразу по-другому начинают и вести себя. Как посмотрит на тебя, – Андрей мечтательно говорил, как бы представлял перед собой Полю – глаза открытые, большие и просто так смотрит..., а у меня аж сердце в пятки уходит от её взгляда, даже стоять не могу.

– Ладно, у меня есть один проект, и Поля нам должна помочь, так что тебе придётся взять себя в руки, а не падать в обморок от неё.

– Брось Витька, я серьёзно, а ты смеёшься, – Андрей был раздосадован.

– И я серьёзно, просто я подготовил концерт, переложение, для кларнета, фагота и фортепиано. Я уже показал педагогу, он за, так вот, пока мы найдём пианиста в музыкалке, давай попросим Полю нам помочь с репетициями, как ты..., не против?

– А она согласится? – Андрей переминался с ноги на ногу в явном волнении.

– Ну не знаю, если не согласится, другого будем искать, но она ближе всех..., я с ней поговорю.

«Холод воды остужает душу
Радость исцелит взгляд
Я в том что есть имя твоё
Радость не омрачит знание о вечном
Кто видит внутреннее тот узнает будущее
Имя твоё прошлое есть я и истина
Есть взгляд для созидания её»

Поля проснулась от того, что кто-то стучит в дверь: «Поля, ты слышишь, к тебе пришли», в дверь стучала и звала домработница.

– Двадцать семь, да всё-таки двадцать семь. Последний удар хоть и не до конца было слышно, но она уловила последний звук.

Поля не понимала, то ли сон это был, то ли явь, она встала с кресла и прежде чем идти в прихожую, пошла в ванную, где вымыла холодной водой лицо, глядя в зеркало на распухшие от слез глаза.

На пороге стояли Витя и Андрей с двумя большими сумками.

– Вы чего? – удивлённо спросила Поля.

– Это ты чего..., мы же позавчера договорились, что сегодня придём к тебе... ты что забыла?... Концерт же! – уставился на неё Витя.

– Какой концерт? – недоумевала Поля.

Над всеми повисло тягостное молчание.

– Ты извини нас Поля, мы, наверное, не вовремя, – Андрей развернулся и вышел за дверь на лестницу.

Вдруг на Полю неожиданно огромной волной неизвестно откуда нахлынуло чувство безграничной благодарности к ребятам, они пришли именно в тот момент, когда ей было так плохо как никогда, а на самом деле она больше всего на свете рада именно им и пусть все остаётся как есть, а сейчас, пока они ничего не знают, они у неё в гостях. Поля молча бросилась за Андреем и силой, схватив того за куртку, вернула его обратно в прихожую.

– Раздевайтесь, я вас сначала чаем напою, а потом ваш концерт будем смотреть.

Выпив чаю, они прошли в гостиную, где стояло пианино. По Андрею видно было, что он буквально ошарашен видом и обстановкой квартиры: резная мебель, картины, камин, зеркала, гобелены, ковры во множестве огромных по его меркам комнат. Когда они пришли с инструментами к Поле, и та вышла в прихожую, с припухшими глазами, видимо они её разбудили, то Андрей от волнения вообще хотел воспользоваться случаем, чтобы уйти. Не знал, как себя вести, что говорить и полностью полагался на Витю.

Пианино у Поля было по-настоящему великолепное и по качеству не уступало хорошим концертным роялям.

«Что будет со мной в моей судьбе
Осталось не более дней и ночей
А что далее. К чему тогда я был здесь
Вспомнить лишь то, что является главным в моей жизни
Здесь. Но была ли она тем для чего создана
И есть ли она тем для чего ей предназначено служить
Видимо всю жизнь я провёл в пустую
Обременив её лишь желаниями и сомнением»

Но как быть и что делать
Все усилия лишь ради поддержания этого бессилия
А может я ошибаюсь и все есть как раз истинное
Не должно быть бессмысленного существования
Все сопряжено с конечной целью вечности
Она диктует свою волю и определяет пути
Тогда кто я такой и зачем нужен – учитель?»

Так как Андрей оканчивал музыкальную школу, то у Витьки, как всегда, родилась грандиозная идея подготовить концерт для кларнета и фагота в сопровождении фортепиано. Они вдвоём отобрали два произведения, и Витька взялся переложить их из квартета в трио. Когда у него был готов некий промежуточный результат, и можно было приступить к репетициям, то естественно возник вопрос, а где взять пианиста. Вот Витя и обратился к Поле, не поможет ли она им с репетициями, хотя бы в начале, пока они найдут пианиста у себя в музыкалке. Позавчера, когда он описывал ей ситуацию, Поля только кивала, и он решил, что она согласилась, вот они и пришли. Андрей с Витей очень редко пересекались в музыкальной школе, хотя учились на одном духовом отделении. Потому что Витя раньше начинал заниматься и когда уже уходил, только после него приходили старшие ребята. Но даже когда он изредка видел, как Витя занимается, его поражала та серьёзность, с каким тот относился к музыке. В школе он, по отзывам учителей совсем не учился, а здесь все наоборот. На редких школьных концертах Витя играл как взрослый музыкант, так как будто ему лет тридцать или сорок, он даже внешне преображался и педагоги неосознанно к нему относились как к взрослому – музыканту, притом очень сильному музыканту. Порой происходило совсем невообразимое, забывшись, тот или иной педагог спрашивали Витю, как следует играть ту или иную партию, как будто Витя был более знающим и понимающим, а не всего лишь учеником. Знакомство с Витей очень серьёзно изменило самого Андрея. Он впервые поймал себя на мысли, что его увлечение историей, философией, социологией ни к чему не приведут, а так и останутся просто приятным времяпрепровождением, а не станут чем-то серьёзным, настоящим, таким как это, удаётся Вите в музыке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.